

ТЕОРИЯ ПРАВА

Научная статья
УДК 343.21(470)"1922"

Юлия Владимировна Бондаренко
*Уфимский юридический институт МВД Рос-
сии, Уфа, Россия, jy.lia@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты формирования уголовно-правовой политики Советского государства в период кодификации 1920-х гг. В представленной работе дается общая характеристика институциональных основ Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Обращается внимание на концептуальное значение положений, нашедших свое закрепление в УК РСФСР 1922 г. для развития советского права, отразивших господствующие в советской юриспруденции в этот период представления о преступности и наказуемости деяний, целях и характере уголовной репрессии.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика советского государства, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., преступление, наказание, меры социальной защиты

Для цитирования: Бондаренко Ю. В. Концептуальные основы Уголовного кодекса РСФСР 1922 года // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 8–13.

Original Article

Julia V. Bondarenko
*Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of
Russia, Ufa, Russia, jy.lia@mail.ru*

CONCEPTUAL BASES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR OF 1922

Abstract. The article deals with certain aspects of the formation of the criminal law policy of the Soviet state in the period of codification of the 1920s. The presented work gives a general description of the institutional foundations of the Criminal Code of the RSFSR of 1922. Attention is drawn to the conceptual significance of the provisions that were enshrined in the Criminal Code of the RSFSR of 1922 for the development of Soviet law, reflecting the ideas of criminality and punishability of acts prevailing in Soviet jurisprudence during this period. purpose and nature of criminal repression.

Keywords: criminal law policy of the Soviet state, Guidelines on criminal law of the RSFSR of 1919, Criminal code of the RSFSR of 1922, crime, punishment, measures of social protection.

For citation: Bondarenko J. V. Conceptual bases of the criminal code of the RSFSR of 1922 // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 3 (11). P. 8–13.

Принятие Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) 26 мая 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР), введенного в действие с 1 июня 1922 г., стало важнейшим шагом в развитии уголовного советского законодательства. УК РСФСР систематизировал накопившийся в первые годы советской власти

нормативно-правовой материал, отменяя действие иных норм, устанавливавших до его введения наказуемость деяний. Среди нормативных правовых актов, утративших силу, в том числе были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее – Руководящие начала), являвшие собой первый опыт советского правотворчества в

вопросах определения основ уголовно-правовой политики.

До принятия УК РСФСР 1922 г. подготовленные Народным комиссариатом юстиции Руководящие начала служили руководством органам советской юстиции в выполнении ими «исторической миссии в области борьбы с классовыми противниками пролетариата в отправлении правосудия», являясь по содержанию прообразом общей части уголовного кодекса.

Определяя своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты, Уголовный кодекс созвучно Руководящим началам сохранял классовый подход в определении преступления. Но в отличие от своего предшественника, где определение преступления раскрывалось в совокупности текста двух статей – 5 и 6, УК РСФСР давал уже цельное определение, закрепляя в ст. 6 ответ на вопрос, что признается преступлением в Советской Республике: «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Формулируя общие положения уголовного права, Руководящие начала не содержали юридически установленного перечня преступлений. УК РСФСР, который уже состоял из двух частей – общей и особенной, с необходимостью восполнил данный пробел в уголовном законодательстве. Построение первого советского уголовного кодекса по принципу пандектной системы, при которой структурно обособляются общая часть и особенная, само по себе уже являло преодоление присущего послеоктябрьскому периоду революционного радикализма в уголовно-правовых воззрениях и политике советских правоведов-практиков. Если принять во внимание, что в соответствии с Положением о народном суде РСФСР 1918 г.

при рассмотрении всех дел народный суд в случае отсутствия соответствующего декрета рабоче-крестьянского правительства или неполноты такового мог руководствоваться социалистическим правосознанием, в том числе и в определении того, что являлось уголовно-наказуемым, то принятие УК РСФСР, содержащего особенную часть, значительно сужало свободу действия правоприменителя. Поэтому еще на стадии подготовки проекта кодекса многие представители советской юстиции оставались на прежних позициях, высказываясь против законодательного определения конкретных видов преступлений и соответствующих им мер уголовно-правового принуждения. Так, на II съезде деятелей революционных трибуналов, проходившем осенью 1920 г., по данному вопросу его делегаты высказались более чем определенно: «Признать создание особого Уголовного кодекса и шкалы наказаний по определенным категориям преступлений для дел, рассматриваемых в трибунале, принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания, ни условиям переживаемого периода диктатуры пролетариата» [1, с. 217].

Признание в конечном итоге разработчиками кодекса необходимости особенной части фактически символизировало в советском уголовном праве переход от гегемонии принципа революционной целесообразности к принципу революционной законности. Однако законодатель в данном вопросе не был до конца категоричен, предусматривая, по сути, компромиссное положение, оставляющее за судами возможность (пусть и ограниченную) дополнять сообразно социалистическому правосознанию своими решениями перечень установленных кодексом уголовно-наказуемых деяний. Речь идет о закреплении положения об аналогии закона в ст. 10 УК РСФСР, допускающей в случае отсутствия в УК РСФСР прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применение статей кодекса, предусматривающих

наиболее схожие по важности и роду преступления.

Допущение аналогии закона очень показательна как для понимания специфики правосознания тех лет, так и для определения доктринальных основ уголовно-правовой политики. Советское уголовное право явно демонстрировало полное неприятие новой властью «буржуазного наследия», что выразилось не только в концептуальном изменении его институциональной составляющей, но и в отказе от самой идеи формальной законности как основополагающего принципа уголовного права. Выработанный еще римскими юристами правовой принцип *nullum crimen sine lege* – «нет преступления без указания на то в законе», утвердившийся в отечественном законодательстве с принятием Свода законов Российской империи 1832 г. и поныне являющийся краеугольным камнем современного уголовного права, шел в разрез с представлением о социалистической целесообразности.

Применение аналогии закона в уголовном праве было вполне созвучно тому определению преступления, что получило свое закрепление в ст. 6 УК РСФСР. Если проанализировать данное определение, то мы увидим, что законодатель на первый план выводил общественную опасность деяния как основной критерий в понимании того, что являлось уголовно наказуемым. Однако данная законодателем формулировка преступления не включала такого его признака, как противоправность. Иными словами, речь шла о «всяком общественно опасном действии или бездействии», а не об установленном исключительно нормами закона перечне преступных деяний, что не подразумевало ограничения основания привлечения к уголовной ответственности только составами преступлений, прямо указанных законом.

Допуская аналогию закона разработчики кодекса апеллировали прежде всего к сложности учета на данном этапе полной реконструкции общественно-политических основ советского общежития всех общественно опасных деяний, угрожающих советскому

строю и правопорядку, и невозможности какого-либо уголовного кодекса «...обнять всего многообразия преступных деяний, которые фактически в жизни имеются», и, как утверждал народный комиссар юстиции Д. И. Курский, «если мы хотим действительно создать кодекс, который будет бороться с опасными для строя явлениями, мы должны иметь статьи, которые дают возможность судье действовать по аналогии <...>. Будет необходимость властно вмешаться суду, а не дожидаться, пока будут декретированы нормы» [2, с. 40]. Ряд советских юристов-практиков по данному вопросу были настроены и более категорично, выступая в принципе за постепенную «деюридизацию» репрессии и «высвобождение в уголовном праве «существа дела» из плена «формы» путем сведения этой формы до возможного минимума» [3, с. 18–19].

Несмотря на то, что аналогия закона в известной степени развязывала руки правоприменителю, предоставляя суду определенную свободу самостоятельно определять вопрос о характере ответственности за те или иные деяния, подрывая идею законности в истинном ее значении, надо признать, что принятие УК РСФСР значительно упорядочило практику уголовного судопроизводства. К примеру, если обратиться к материалам судебной практики первых лет революционного правосудия, то можно проследить весьма неординарную картину уголовной репрессии. Карточки срочно-заключенных демонстрируют большое разнообразие в том, что признавалось уголовно-наказуемым. Среди заключенных были приговоренные за «утопление коровы», «появление в нетрезвом виде», «нанесение ударов лошади», «грубое отношение к жене и детям», «голосование против назначения» и т. п. [4, с. 4].

Не меньшую пестроту демонстрирует нам и характер уголовной санкции первых лет советской власти – 65 разных наказаний, начиная с 2,5 суток тюрьмы до пожизненного заключения и расстрела [4, с. 3]. Руководящие начала устанавливали только примерные виды наказания, предоставляя

правоприменителю весьма широкую свободу в выборе мер карательного воздействия, применяемых к правонарушителю, допуская даже относительную неопределенность приговоров. Так, ст. 25 Руководящих начал предусматривала лишение свободы как на определенный, так и на неопределенный срок до наступления известного события. Исходя из формулировок Руководящих начал, больше одной трети всех видов наказания являлись, по своей сущности, бессрочными или могли быть назначены на неопределенный срок.

С принятием УК РСФСР претерпела изменение как сама система наказаний, так и характер уголовно-правовой санкции. УК РСФСР устанавливал (ст. 32) перечень наказаний, перечисляя исчерпывающие условия, при которых только и было возможно назначение данного рода наказания. При этом в отличие от Руководящих начал УК РСФСР практически не допускал неопределенность приговоров, предусматривая за конкретные преступления конкретную меру наказания или меру социальной защиты. Исключение составляло изгнание из пределов РСФСР, которое могло быть назначено на срок или бессрочно.

В вопросах меры уголовно-правового принуждения УК РСФСР устанавливал право суда при известных условиях и в известном порядке определить меру наказания ниже низшего предела наказания, указанного в соответствующей статье, или перейти к другому, менее тяжкому роду наказания (ст. 28 УК РСФСР).

УК РСФСР предусматривал возможность сокращения назначенного судом срока наказания (лишения свободы или принудительных работ) в порядке условно-досрочного освобождения (ст. 52–54), но также допускал и увеличение срока не более чем на половину в отношении несовершеннолетних, не обнаруживающих достаточного исправления к концу отбытия назначенного им срока наказания (ст. 56). Обращает на себя внимание, что исключение в вопросах увеличения срока наказания было допущено именно в отношении несовершеннолетних, акцентируя внимание на особом подходе

законодателя к вопросам исправительного воздействия на несовершеннолетних.

Одной из новелл в системе наказаний советского уголовного права стали новые меры наказания, в большей степени не связанные с лишением свободы. Так, из 193 статей особенной части УК РСФСР 82 статьи содержали в санкции применение в отношении правонарушителя принудительных работ, 53 из них закрепляли перевод на принудительные работы без содержания под стражей в порядке условно-досрочного освобождения. Однако приведение в исполнение такой меры наказания, как принудительные работы, было сопряжено с определенными сложностями. И причина тому заключалась не столько в неудовлетворительной организации принудительных работ, будь то отсутствие особых условий работы или должного контроля за выполнением работы и поведением осужденного, что также имело место, но прежде всего по причине отсутствия спроса на рабочую силу. Советская власть практически с первых дней вынуждена была бороться с проблемой безработицы, усугубленная началом гражданской войны и разрушением рыночного механизма хозяйствования. И несмотря на то, что труд являлся не только правом, но и конституционной обязанностью каждого советского гражданина, реализовать это положение на практике в полной мере пока еще не представлялось возможным даже для всех добропорядочных граждан. И в этих условиях организация труда осужденных к принудительным работам стала дополнительным бременем для исполнительных органов, занимающихся трудоустройством. Так, Отделом управления Московского Совета было возбуждено ходатайство перед Советским народным судом о неприменении этой меры наказания, так как отделы труда, будучи не в состоянии удовлетворить имеющийся у них контингент безработных, естественно, были не в силах использовать труд осужденных; и эти последние, с одной стороны, являлись конкурентами безработных, а с другой – фактически не несли наказания, являясь туда лишь для очередной

регистрации в бюро принудительных работ [5, с. 5].

В отдельных положениях УК РСФСР непосредственно указывал на необходимость применения дополнительного наказания – поражения прав осужденного, состоящего в утрате им на конкретный срок определенного комплекса прав, предусмотренных ст. 40 УК РСФСР: а) активного и пассивного избирательного права; б) активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; в) права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном. Данная мера воздействия предусматривалась при вынесении обвинительных приговоров по преступлениям, предусмотренным УК РСФСР, если суд признавал осужденного опороченным по суду. При этом постановка вопроса о поражении прав при осуждении для суда была обязательна, если основная мера наказания предполагала лишение свободы на срок более одного года или другое более тяжелое наказание.

Еще одной новеллой законодателя стала возможность применения в отношении правонарушителя помимо наказания других мер социальной защиты. УК РСФСР выделял в особую категорию меры социальной защиты, перечисленные в ст. 46, которые УК РСФСР не относил к наказаниям, а характеризовал как меры, «заменяющие по приговору суда наказание или следующие за ним». Однако УК РСФСР не допускал замену наказания мерами социальной защиты, разграничивая данные меры, применяемые в отношении лиц, совершивших преступление. Закон определял перечень всех мер социальной защиты (ст. 46) и условия, при наличии которых могла быть примерена предусмотренная соответствующим пунктом ст. 46 мера социальной защиты (ст. 47–49). К числу таковых были отнесены: а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспреещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или

промыслом; г) удаление из определенной местности.

УК РСФСР предусматривал и применение мер социальной защиты в особом порядке, выходящем за рамки общих оснований, предусмотренных ст. 46. Так, согласно ст. 49 в отношении лиц, признанных судом социально опасными не только по своей преступной деятельности, но и за связь с криминальной средой, допускалось применение высылки в особом порядке, не предусмотренном ст. 46, как меры самостоятельной и единственной, не заменяющей и не следующей за наказанием. По существу, в этом случае данная мера воздействия выполняла не только превентивную, но и карательную функцию, присущую уже институту наказания, стирая между ними четкие границы. Данное противоречие было устранено уже с принятием Центрального исполнительного комитета СССР 31 октября 1924 г. Основных начал уголовного законодательства, где законодатель и вовсе отказался от понятия «наказания», установив единое понятие мер социальной защиты, включающее меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера, что должно было подчеркнуть преодоление советским законом исключительно карательного понимания сущности мер уголовно-правового принуждения, присущим буржуазным уголовным кодексам.

Несмотря на весьма непродолжительный срок действия УК РСФСР 1922 г., определяя его значение в истории развития отечественного законодательства, можно говорить о том, что именно данный кодифицированный правовой акт заложил концептуальные основы советского уголовного права на несколько десятилетий вперед. Отражая специфику своего времени, кодекс выразил понимание сущности и задач уголовно-правовой репрессии пролетарского государства. Можно говорить о том, что многие его положения имели недостаточно проработанный и даже противоречивый характер, однако сам по себе факт построения кодекса по классической пандектной системе, включающей выделение особен-

ной части, стало преодолением крайности понимания революционной законности первых лет становления советской власти. И тот факт, что новый УК РСФСР 1926 г. во

многим сохранил основы, заложенные УК РСФСР 1922 г., говорит об определяющем его значении для развития советского уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асланян Р. Г. Доктринальные подходы к разработке УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. редакторы В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. Краснодар, 2021. С. 215–222.
2. Люблинский П. И. Применение уголовного закона по аналогии // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 40–50.
3. Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики : сборник статей / под ред. Е. Г. Ширвиндта. М., 1929. С. 18–19.
4. Якубсон В. Уголовная репрессия в первые годы революции // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 4. С. 3–4.
5. Лунин А. Две ударные задачи // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 4–5.

REFERENCES

1. Aslanyan R. G. Doctrinal approaches to the development of the RSFSR Criminal Code of 1922 and 1926 // Progress and continuity in Russian criminal law (to the 95th anniversary of the RSFSR Criminal Code of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996) : materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation / отв. editors V. P. Konyakhin, M. L. Prokhorova. Krasnodar, 2021. P. 215–222. (In Russ.)
2. Lyubliinsky P. I. Application of criminal law by analogy // Law and Life. 1924. No. 1. P. 40–50. (In Russ.)
3. Estrin A. Ya. The evolution of the Soviet criminal policy // Fundamentals and tasks of the Soviet criminal policy : collection of articles / ed. E. G. Shirvindt. M., 1929. P. 18–19. (In Russ.)
4. Yakubson V. Criminal repression in the first years of the revolution // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 4. P. 3–4. (In Russ.)
5. Lunin A. Two shock tasks // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 19–20. P. 4–5. (In Russ.)

Информация об авторе:

Бондаренко Ю. В. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Bondarenko J. V. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 23.09.2022.